

сударственной Думе. В этой связи можно предположить, что одним из аргументов в пользу столь мощной поддержки названной партии на выборах было именно стремление «отрегулировать» лоббизм на законодательном поле. Но не путем принятия закона о лоббизме, а путем ликвидации лоббизма в парламенте. Данное стремление вполне вписывается в укрепление вертикали власти и власти вообще. Когда администрация не может справиться с отраслевым, корпоративным лоббизмом в парламенте иным путем, то становится необходимым уничтожение самих предпосылок его существования.

Вполне возможно, что политические процессы последних нескольких месяцев будут иметь неожиданные последствия. Так, например, крупные корпорации, представители той или иной отрасли несколько лет назад были основными противниками принятия закона о регулировании лоббистской деятельности. Сегодня они могут стать теми, кто в первую очередь заинтересован в этом.

В целом, ослабление позиций корпоративизма,

как эффективного взаимодействия государства и групп интересов, вызвано политическими мотивами и стремлением к модернизации. Первый случай представляет собой защиту интересов одной группы (например, политического руководства государства, стремящегося сохранить свою власть) в ущерб большинству других. Второй — стремление к общему благу, при этом забывают, что «общее» состоит из «частей», которые одна за другой оказываются в явном проигрыше.

¹ См.: Le Monde. 11.05.04

² Шапкин И. Н. Из истории лоббизма в России. Представительские организации российского капитала во второй половине XIX-начале XX веков. М., 1999. С. 7.

³ См.: Перегудов С. П. Новый российский корпоратизм: от бюрократического к олигархическому? // Политические исследования. 1998. №4. С. 114.

⁴ Жеребкин М. В. Группы интересов в трансформационном процессе // Власть. 2002. №3. С. 59.

Л.Г. Фишман

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЛОЯЛЬНОСТЬ «ОБРАЗУ ЖИЗНИ»

Л.Г. Фишман,
кандидат политических наук,
старший научный сотрудник
ИФиП УрО РАН

Три политических проекта, которые оказали наибольшее влияние на облик современного мира: Республика, Коммунизм и Демократия.

РЕСПУБЛИКА И ДОБРОДЕТЕЛЬ

Демократия и Республика — это разные идеи. Различие между ними идет со времен античности. Республика — это «общее дело», демократия — «власть народа». В чем разница? Когда речь идет об общем деле, подразумевается, что есть члены общины, которые лучше представляют нужды целого, а есть все прочие. Это не значит, что первые и вторые разделены непроходимой пропастью. Но это значит, что недостаточно быть просто гражданином, чтобы претендовать на участие во власти на

всех уровнях. Нужно еще быть одним из наиболее компетентных, добродетельных, знающих. В Риме таковыми являлись патриции, из среды которых делегировался Сенат. В сущности, сенатор — это образец «совершенного» гражданина, стоящего выше остальных.

Демократия, в отличие от Республики, не подразумевает наличия слоя особо компетентных граждан или, по крайней мере, противится его институционализации. Афиняне, к примеру, могли сколь угодно уважать и почитать своих великих людей и выдающихся граждан, но в нормальных условиях они не учреждали для них ничего, подобного римскому Сенату. Это нередко осложняло управление делами полиса и вело к принятию плохо продуманных решений. С другой стороны, компетентные и просто влиятельные люди никуда не исчезают. Если слой этих граждан не имеет особых официальных институтов, которые он мог бы использовать для принятия угодных ему решений, то существует немало неофициальных и полуофициальных каналов воздействия — начиная от подкупа должностных лиц и народа и заканчивая искусной демагогией перед народным собранием. И это также не красит демократию в глазах ее современников, равно как и в глазах потомков.

Поэтому, если в античной истории мы обнаружим немало великих людей демократических убеждений (или лояльных демократическому режиму), то в античной политической мысли трудно обнаружить последовательных апологетов Демократии. Демократия для античных мыслителей — довольно сомнительная форма правления, которой бы неплохо найти альтернативу в виде аристократии, монархии или даже тирании, а еще лучше — смешанного правления, которое сочетало бы в себе достоинства всех известных «приличных» режимов.

Просвещение унаследовало этот античный скептицизм по поводу демократии и поэтому его исходным проектом был проект Республики.

Республиканский идеал, возникающий во времена Просвещения, отнюдь не во всех своих чертах является надуманным. Утверждение, согласно которому для республики от человека требуется добродетель (с чем соглашались едва ли не все просветители от Мабли до Руссо и Монтескье), не было простой копией древнеримских и древнегреческих образцов. Речь шла о происходившем тогда замещении политических режимов и морали, характерных для традиционных обществ, политическими режимами и моралью, свойственным обществам Нового времени. Соответственно, происходило и замещение базовых для политических режимов ценностей и норм поведения. Считалось, что для политических режимов прошлого достаточны аффективные (как страх для деспотизма) или ценностные (как честь для монархии) регуляторы поведения, то для республики оказывалась необходимой добродетель. При этом не подразумевалась какая-то конкретная добродетель. Добродетель, в сущности, являлась синонимом этически регламентированного поведения, того, что сейчас мы, вслед за Вебером, называем ценностной рациональностью. Это означало, что в условиях распада традиционного уклада жизни (аналогичного распаду архаического общества в античности, когда и появилось впервые представление как о республиканском правлении, так и о рациональной этике), ни здравый смысл, ни обычаи прошлого уже не могут быть заложены в основание политического устройства. Теперь человек оказывался вынужден рефлексировать над унаследованным от предков здравым смыслом и привычками, сопоставлять их с меняющейся реальностью и выстраивать соответственно получаемому результату свое поведение.

На уровне политики это означало, что многие институты перестали быть «естественными», хотя риторические упражнения насчет разного рода «естественности» как раз тогда и переживали свой расцвет. В значительной мере они стали искусственными, т.е. чисто человеческими установлениями. Политические режимы, столетиями сохранявшиеся раньше как бы без участия человека, уступали место режимам, для поддержания которых от человека требовалось постоянное усилие, начиная от гипотетического заключения общественного договора с другими людьми и заканчивая реальным постоянным участием в политике, ставшей «общим делом» (республикой). Активное и осознанное участие в общем деле поддержания политического режима и, шире, общественного договора и было республиканской добродетелью.

Само собой разумеется, данный политико-моральный идеал со временем приобретал и все более явное «базисное» основание. Бурно растущий капитализм вообще был склонен к рациональной калькуляции экономического и политического поведения — по крайней мере, на уровне элит. «Простого человека» также методично и жестко приучали к необходимости смирять свои естественные порывы и отказываться от привычек традиционного образа жизни, если таковые шли в ущерб организации промышленного производства с его строго регламентированным рабочим днем. Его приучали точности как в манипуляции с инструментами, становящимися все более сложными, так и в оценке себя самого (как обладателя товара под названием «рабочая сила», имеющим на данный момент конкретную рыночную стоимость). В

любом случае, человек научался «знать свою цену», осознавать свои интересы и потребности и объединяться с другими в процессе их отстаивания, планировать солидарные с другими представителями своего класса акции и т.д. Для этого требовалось, в первую очередь, осознание себя не изолированным индивидом и не абстрактным участником (чаще всего только формально) «общего дела», а представителем конкретного класса. По мере того, как идеал «общего дела» (республики) все меньше соответствовал практике, на уровне социальных низов, промышленного пролетариата республиканский идеал добродетели отчасти трансформировался в классовый идеал «сознательности».

КОММУНИЗМ И СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Если для республики, согласно Монтескье, основополагающей ценностью является добродетель, для советского коммунизма таковой является сознательность.

Требование быть сознательным проистекло, по всей видимости, из двух источников.

Первый из них можно назвать идеологическим. В отличие от всех существовавших прежде политических режимов (и лежащих в их основе общественных формаций), коммунизм изначально предполагается как общественное устройство, возникающее не совсем «естественным» образом. Конечно, причиной его возникновения и торжества должны стать объективные предпосылки, весь ход человеческой истории. Однако коммунизм (и социализм как его первая стадия), в отличие от, к примеру, капитализма, не вызревает постепенно в рамках предшествующих ему общественно-экономических формаций. Вызревают только предпосылки — развитие производительных сил, рост пролетариата и осознания им своей всемирно-исторической миссии. Это понимание пролетариатом своей миссии наряду с готовностью ее осуществить является одним из важнейших компонентов сознательности. Коммунизм — до известной степени «искусственный» общественный строй, для воплощения которого необходим постоянный контроль со стороны разума, вооруженного правильной, но не дающей сразу всех ответов теорией. Что-то вроде «невидимой руки рынка» становлению коммунизма не помогает и, более того, коммунизм, на первый взгляд, противоречит некоторым «естественным» порывам человеческой природы, проистекающих из эгоизма, порожденного обществами с доминирующей частной собственностью. С такими порывами в процессе строительства нового общества необходимо постоянно бороться — и это еще одна составляющая сознательности.

На уровне формирования социальных структур советского общества сознательность в качестве основополагающей ценности была совершенно необходимой как для функционирования коллективов, так и для возникновения «советского человека». Воспитание республиканской добродетели на Западе осуществлялось применением к человеку разнообразных дисциплинарных практик — в рабочих домах, школах, тюрьмах, психиатрических клиниках и т.д. Воспитание коммунистической сознательности (как убедительно описывает этот процесс О.Хархордин в своей работе «Обличать и лицемерить») шло в разнообразных и многочисленных коллективах с применением столь же многочисленных и разнообразных дисциплинарно-

воспитательных практик — от партийных чисток до взаимного контроля за личной гигиеной в школе. В результате советский человек наряду с навыками социально приемлемого поведения приобретал и «просто» черты *личности* — ведь только личность могла быть сознательной и ответственной за свои поступки. Как и требование добродетельности, призыв к сознательности был обращен к новому человеку посттрадиционного общества. Это была личность, руководствующаяся в своем поведении не примитивными аффектами и не узкими представлениями о сословной чести, а долгом перед другими людьми и обществом, понимаемом как целое, как *образ жизни* в конструировании и воспроизводстве которого надо было *лично* участвовать. Правда, на практике, такое личное участие было нередко формальным и не слишком искренним. При всех преимуществах коллективной жизни, при всем даваемом ею чувстве защищенности, советский человек поэтому обычно жил двойной жизнью — личной для себя и общественной для начальства, отделяя свой конкретный частный интерес от туманного общего.

ДЕМОКРАТИЯ И КОНФОРМНОСТЬ

Проект Республики, как и коммунистический проект соответствовал эпохе индустриализма, но к началу ее заката он начал вытесняться проектом Демократии. С одной стороны, вытеснение Республики Демократией было следствием быстрого увеличения числа людей, вовлекаемых в политическую деятельность. Все-таки просвещенческий и античный проект Республики отнюдь не подразумевали, что в политику будут привлекаться все или почти все граждане. Именно сравнительно небольшое число активно участвующих в политике людей было причиной того, что это участие было интенсивным, требующим от человека высокой степени самоотдачи. Это было *личное участие* и именно потому времена республик являлись временами великих политиков вроде Клемансо, Черчилля, Гитлера, Рузвельта и т.д. Демократия, привлекая в политику широкие массы, довольно скоро привела к своеобразной деполитизации политики, поскольку для большинства людей политика никогда не была и не будет главным объектом приложения личных усилий, сферой личной самореализации.

Торжество демократии в странах Запада пришлось как раз на ту пору, когда в их экономике стала приобретать все больший вес сфера услуг и все большая часть коренного населения оказывалась в ней занятой. Глобализация еще более усугубила этот процесс, поскольку вызванный ею приток иммигрантов в основном вливается в сферу материального производства, производства требующего малокавалифицированной рабочей силы. Но лицо, — в том числе и политическое — западных обществ пока определяют не иммигранты, а люди все еще западной культуры, которые сейчас преимущественно заняты в сфере услуг.

Какие требования предъявляет человеку сфера услуг, и чем они обусловлены?

Сфера услуг ориентирована на потребителя и сам ее рост есть следствие формирования пресловутого «общества потребления». Потребитель — это человек, которому, с одной стороны, надо всячески угодить (он «всегда прав»). С другой же стороны, потребитель — это человеческий объект,

которого надо ненасильственно принудить приобрести какой-либо товар или услугу. Это достигается манипуляцией посредством рекламы и «сервиса» (т.е. буквально — прислуживания), причем навязывается в первую очередь не товар или услуга, а определенный образ жизни. В итоге потребитель должен совершить свой выбор так, как если бы он был следствием его личной убежденности.

Следовательно, индивид, работающий в сфере услуг, должен обладать качествами, позволяющими ему подлаживаться под запросы потребителя, а также качествами искусного манипулятора. При этом его личное отношение к тому, что он делает, равно как и к потребителю, должно быть тщательно замаскировано. Здесь нет места ни личным симпатиям и антипатиям, ни сомнениям в действительной полезности предлагаемого товара или услуги. Иными словами, работник сферы услуг вынужден постоянно лицемерить, поскольку его личные пристрастия и просто совесть слишком часто могут оказаться вредными для дела. Он обязан соответствовать чисто внешним требованиям, соблюдая верность предприятию и оставаясь толерантным потребителем. В сфере внутренних убеждений крайне желательно, чтобы он был *лоялен* сложившемуся «естественным образом» экономическому порядку, в котором он только и может заниматься своим трудом — свободному рынку и потребительскому обществу.

В более широком ракурсе трансформация основополагающих политических ценностей Республики в ценности Демократии выглядит как следствие смены индустриальной эпохи эпохой цифровых технологий. Если в индустриальную эпоху основными интегрирующими общество факторами были национализм и совместное солидарное участие в производственной деятельности, то в настоящее время равноценной им замены пока не обнаруживается. Очень существенное падение гражданской активности (например, в США на 30–40%, как отмечает Ч.Капхен в своей работе «Закат Америки») не в последнюю очередь обусловлено вытеснением необходимого для республики личного участия виртуальным общением.

Не удивительно, что с ростом числа людей, занятых в сфере услуг, с вытеснением индустриализма цифровой эпохой, политическая наука Запада начинает предъявлять гражданину требования, идентичные с теми, которые предъявляет ему работа. Это уже не добродетельность и не сознательность — это просто лояльность к политической системе в целом (или ее «поддержка») и толерантность к любым политическим убеждениям, которые ее не подрывают. Не важно, какими убеждениями и моральными качествами обусловлена лояльность, но она в любом случае должна быть. Это означает, что личность гражданина и его политическая система больше не связаны и что политическая система демократии (равно как и экономическая система рынка) в принципе, в личном участии не нуждается. Для выражения такого рода лояльности личностное участие не обязательно. Что и выражается во все растущем безразличии граждан к участию в выборах — система функционирует, и этого достаточно.

Все это отражается в политической и социальной теории. Формально человек все еще признается самоценным существом, но на самом деле он теперь нужен только для воспроизводства соци-

альных структур, а не для их творения. (Период творения закончился во времена республики). Человек более не познающий и преобразующий мир субъект, а бурдьевский «габитус», посредством которого воспроизводятся социальные структуры. Теоретическая проблематика общества постепенно смещается в сферу социальной онтологии, т.е. переводится под знак «вечности». Теперь интересно как функционируют социальные институты и легитимирующие их дискурсы, а не истинны они и или ложны. Само по себе то, что они действуют, уже означает их право на существование. Социальные институты же были всегда и всегда в области «надстройки» существовали какие-то представления, с помощью которых они функционировали. Представления эти формулировались на языке — таким образом, и язык превращен в часть социальной структуры и средство ее воспроизводства, т.е. отнят у автономной личности времен республики и коммунизма. Личности в политике теперь невозможно выразить себя, нельзя высказать слово одобрения или порицания без того, чтобы не заслужить упрека в том, что это не сама она говорит, а нечто посредством нее. Правда, у человека остаются частные интересы, вроде заинтересованности в благосостоянии, жизни и безопасности, которые были у всех и всегда и поэтому воспринимаются как нечто единственно подлинное. Но для познания этих интересов особых усилий не требуется, потому что они «вечные».

Таким образом, в период демократии общество, в известной степени, возвращается в «естественное» состояние, при котором для участия в политической жизни снова достаточны аффективные и ценностные регуляторы. Только теперь страх заменен на заботу о соблюдении базовых прав человека (вроде права на жизнь), а честь — на лояльное отношение к «естественным образом» существующему порядку вещей. Можно было бы назвать человека Демократии «лояльным», по аналогии с «добродетельным» или «сознательным» — но лояльности, в сущности, требуют все политические режимы. Кроме того, в условиях Демократии речь идет даже не столько о лояльности только политической системе, сколько о лояльности целому «образу жизни». (Это утверждение является верным уже для афинской демократии — вспомним знаменитую надгробную речь Перикла). Поэтому можно говорить скорее о конформности: человек Демократии — это человек «конформный». И это до некоторой степени сближает его с «сознательным» человеком времен «реального социализма», от которого также требовалось большее, чем простое принятие политической системы — принятие советского образа жизни.

ЛОЯЛЬНОСТЬ «ОБРАЗУ ЖИЗНИ» И НАШИ БУДУЩИЕ ЦЕННОСТИ

Процесс трансформации Республики в Демократию или Коммунизм и, соответственно, добродетели в сознательность и конформность, таким образом, может быть осмыслен как *вытеснение приверженности определенной политической системе как «общему делу» лояльностью чему-то более широкому, а именно — «образу жизни» со всей его экономической и культурной подоплекой*. Этот процесс означает нарастающее вытеснение сферы политики, как точки приложения личных усилий, заботами о частном благополучии и личной само-

реализации в самых различных областях деятельности. Как только к политике оказалось привлеченным большинство народа, быстро выяснилось, что политика ему не слишком интересна и никогда не будет интересной. Соответственно, потеряли свое влияние идеологии и утопии, которые были предназначены именно для привлечения в политику личностей — поскольку они давали ей ни много, ни мало, а целое мировоззрение. Поэтому на определенном этапе в США граждане смирились с превращением своей республики в «управляемую демократию», а в России — с коммунизмом.

Можно говорить о том, что в свое время Россия перескочила Республику с ее принципом лояльности только политической системе, построив первую политическую систему, основанную на лояльности «образу жизни». Что же происходит сейчас?

Сейчас России не хватает экономического и научно-технического потенциала для того, чтобы из уходящей эпохи индустриализма перейти в цифровую эпоху. Или же, что представляется более верным, таковой потенциал есть, но нет соответствующей заинтересованности у правящих элит. Поэтому с крушением старой политической системы, построенной на лояльности образу жизни («сознательности»), мы не можем перейти к демократической «конформности» как лояльности новому образу жизни. Такового просто нет.

В результате, в течение последних лет мы стали свидетелями и участниками попытки создать в России что-то вроде помеси Республики с нежизнеспособными политическими партиями и с интеграцией на националистической основе (за неимением лучшей) и «управляемой демократии» с чисто формальным участием народа в управлении. Иначе говоря, от нас требуется добродетель, от которой мы уже давно отказались и, в то же время конформность, которая отрицает эту добродетель и для которой у нас нет, так сказать, «материальных оснований». Эти требования режима никогда не будут удовлетворены.

Мы не сможем построить свою политическую систему на принципах добродетели или сознательности — возврата в прошлое нет чисто по технологическим причинам. В глобализирующемся мире у нас нет и основания для того, чтобы построить ее на принципе конформности, потому что ниша соответствующего «образа жизни» уже занята Западом. Да и мир с долговременной перспективой главенства такой ниши представляется весьма далеким от совершенства.

Наш прошлый опыт «сознательности» и современный западный опыт «конформности» говорят нам, что, возможно, будущее не оставит места политическим режимам, базирующимся на лояльности только политической системе, а не «образу жизни». Это не значит, что в будущем и настоящем политическое преобразование невозможно. Оно возможно как часть широкого социального преобразования, подобного, например, сапатистскому эксперименту в Мексике, опирающемуся не на партию с жесткой идеологией, не на военную силу и не отжившие политические мифы, а на согласие обычных людей относительно желаемого образа жизни, для которых политика сама по себе не является высшей ценностью. Возможно оно и для России, когда у нее найдется сил совершить свой скачок в будущее и найти свой «образ жизни».